

The poster features a central image of a woman with red hair, seen from the back, holding a large white card with a simple black smiley face. She is wearing a blue halter-neck top. The background is a vibrant yellow with a pattern of overlapping circles. Scattered around the central figure are several small, cut-out images of people in various poses: a man in a suit giving a thumbs up, a woman in a grey dress standing, a woman in a white jacket and black skirt walking, a woman in a black suit with a suitcase, a woman in a green dress jumping, a woman in a black suit sitting and reading a newspaper, and a man in a suit performing a backflip.

От главного
редактора
журнала «Лиза»

Кира Буренина

Маска счастья

Кира Буренина
Маска счастья

«АСТ»

2008

Буренина К.

Маска счастья / К. Буренина — «АСТ», 2008

Путь к вершинам карьеры, как правило, усыпан не благоухающими розами, а битым стеклом и кусками ржавой арматуры. Но есть люди, которых препятствия только подстегивают. Кира Буренина из их числа. Она не только успешная бизнес-леди, главный редактор журналов «Лиза» и «Отдохни. Имена», но и замечательная писательница. Откровенно, с удивительным знанием людской психологии, рассказывает она об ошибках, которые совершала, поднимаясь по карьерной лестнице, «подводных камнях», зависти и интригах, ожидающих всякого, кто мечтает добиться успеха в творческой профессии. Ее рассказы – о любви. Любви порочной или преступной, порой по-детски наивной и готовой на самопожертвование. Они виртуозно написаны и интригуют изящной недосказанностью. В самом деле, жить вдвоем с обожаемым человеком – это награда или наказание? Стоит ли влюбляться в лечащего врача? Курортный роман с женатым – это прикольно или позорно? Кира Буренина не даст вам соскучиться...

© Буренина К., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Путь к себе	5
Переводчик-референт	6
Менеджер по продажам	7
Психолог-практик	8
Лирическое отступление	9
PR-менеджер, журналист	11
Шеф-редактор	12
Главный редактор журнала «Лиза»	13
Записки переводчицы	14
«Шерри леди»	14
Ночной монолог	16
Аврал	19
Сила коллектива	21
Миссия в Спирьевске	24
Коррида	27
Бархатный сезон	30
Добро дошли!	32
Зимняя вишня	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кира Буренина

Маска счастья

(сборник)

Путь к себе

Никто не станет спорить, что каждый человек с самого рождения наделен определенными талантами. Некоторые уже с детства знают, к чему у них есть способности и желания. А другим для самопознания могут потребоваться годы. Наша жизнь и заключается в том, чтобы дать возможность пробудиться скрытым талантам и развернуться талантам явным. Многие реализуют свои способности в хобби, кто-то проводит жизнь в мечтах, и лишь редкие счастливицы могут утверждать: они нашли себя сразу и навсегда. По моему убеждению, призвание – это зов природы, к которому нужно прислушиваться, это сигнал, на который нужно настроиться и распознать его. Со дня получения моего первого диплома о высшем образовании прошло много лет, и только сейчас я могу сказать, что нашла свое призвание и в моей деятельности есть восхитительные моменты вдохновения и счастья. Правда, для этого мне пришлось пройти долгий и порой тернистый путь. Но об этом я совсем не жалею.

Переводчик-референт

Окончив престижный Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза, я совсем не была готова к тому, что мне, комсомолке, активистке, личности самостоятельной и инициативной, практически в первый день работы придется варить бесчисленное количество чашек кофе и бегать с подносом по лестнице с третьего этажа на первый. Именно в этот день проходил семинар с участием президента зарубежной фирмы и директоров советских текстильных предприятий. Разрываясь между кухней и переговорной, я успевала переводить речи президента, попутно выискивая в словаре заковыристые термины из области полиграфии.

Мой первый шеф широко и вольно толковал должностные обязанности секретаря-переводчика, поэтому кроме злополучного кофе, который я варила и носила ему, моя следующая почетная и бессмысленная обязанность в течение последующих двух лет состояла в том, чтобы накручивать нужные номера телефона и подносить к уху начальника телефонную трубку. Конечно, мне приходилось переводить различную коммерческую документацию, к тому же я каждый месяц сопровождала кого-нибудь из заказчиков в Германию для переговоров или участия в выставке. (С такой же регулярностью я появлялась у кадрового инспектора с просьбой перевести меня в другую фирму.) Мне хотелось большего, чем перевод чужих мыслей и слов. За два года я многому научилась, но мой шеф продолжал воспринимать меня как придаток к его телефону. Тогда-то я и начала совершать мелкие диверсии – выкручивала проводки из его телефонной трубки, отказалась варить кофе и заставила начальника купить кофеварку, а когда он уезжал в командировки или отпуск, самостоятельно проводила переговоры с советскими заказчиками и немецким головным офисом.

Стараясь поскорее вырваться из «тупиковой должности», я поступила в Академию внешней торговли. Я просто обязана была доказать, что мои «серые клеточки» способны освоить более сложные операции, чем приготовление кофе. Я надеялась, что специальность «менеджер по развитию внешнеэкономической деятельности» убедят и моего начальника, и руководство в Германии и позволят мне самостоятельно вести коммерческие проекты. Днями и ночами, как одержимая, я зубрила основы рыночной экономики, правила составления коммерческих договоров, логистику, порядок проведения банковских операций. В тот период меня можно было сравнить с ракетой на старте, когда идет последний отсчет – так одержимо я стремилась к карьерному взлету.

Счастливым случай явился в образе моей соседки по этажу. «У нас в фирме есть вакансии, – она протянула визитку своего шефа, – я предложила твою кандидатуру».

Менеджер по продажам

Пыльные папки с надписями: «Сварочные электроды», «Проволока», «Метизы» едва помещались на столе. Сбагрив мне неинтересные проекты, мои новые коллеги радостно потирали руки, но меня трудности не пугали. Главное – я самостоятельна в своих решениях, в выборе партнеров, проведении переговоров и обсуждении цен. Азарт, с которым я вцепилась в «неудобные» для продажи продукты, приятно удивил новое немецкое начальство. Я с удовольствием летала в дальние командировки на заводы, штудировала специальную литературу по металлургии и простояла все три дня на жестоком морозе за Полярным кругом на конкурсе сварщиков (мне было интересно, как варят наши электроды). Спустя два года мне доверили более сложные продукты и заказчиков-тяжеловесов – «Лукойл», «Газпром», «Транснефть».

А спустя четыре года я поняла, что эта работа меня больше не увлекает. Вне зависимости от ее интенсивности и объема, каждый день был похож на предыдущий. Все те же лица, те же разговоры: «...марки стали, насосно-компрессорные трубы, обсадные трубы, фонтанная арматура, наши цены, наши скидки, наши конкуренты...» Тогда я задалась вопросом: почему, достигнув успеха и хороших результатов в развитии своей карьеры, я стала испытывать тоску и чувство профессионального неудовлетворения? Я видела причину в том, что «доросла до потолка» в этой фирме, и стала рассылать свои резюме в другие компании.

Результат собеседований звучал как приговор: все дело не в «потолке», а в самой работе, вернее, в ее содержании. Все чаще и чаще в голове прокручивались одни и те же слова: «Да, я достигла результатов. Да, я занимаю ответственную должность. Да, я зарабатываю хорошие деньги. Но что дальше? Неужели трубы и проволока – это то, чем я хочу заниматься до самой пенсии?»

Когда я делилась с подругами или коллегами своими сомнениями, все дружно крутили пальцем у виска. Высокая зарплата, загранкомандировки, бесплатные обеды, страховка, корпоративная кредитка «American Express», водитель фирмы, всегда готовый отвезти тебя на переговоры, в аэропорт или домой – разве возможно отказаться от всего этого в трезвом уме и твердой памяти? Я буквально разрывалась между желаниями «уйти» или «остаться», то есть между независимостью и привычным комфортом, пока случайно не остановилась у экрана телевизора. Речь шла о тренинге личностного роста. Прошедшие этот тренинг люди были похожи на марсиан – спокойные, невозмутимые, словно познавшие истину, которая, как известно, «где-то рядом». Но где?

Психолог-практик

После тренинга я больше не блуждала в потемках: у меня появились две цели. Первая – стать тренером-профессионалом. Вторая – написать цикл рассказов.

И снова благодаря счастливому случаю я узнала о наборе слушателей в Академию практической психологии при психфаке МГУ. Интенсивные занятия каждый день с шести до десяти часов вечера в течение года, штудирование специальной литературы, постоянные консультации у квалифицированных преподавателей только укрепляли меня в мысли, что я нашла свое дело. Я поняла: больше всего меня волнуют не механизмы, не коммерция, а люди, мотивы их поведения и их жизнь.

«Я буду бизнес-тренером!» – гордо декларировала я. «А деньги, а положение?!» – ужасались окружающие. «Я готова пойти на меньшую зарплату, но у меня есть мое дело». Пафоса у меня тогда было более, чем достаточно. И все-таки я не сразу нашла в себе силы уйти с работы, продолжала летать на Урал и в Сибирь, проводить переговоры, обсуждать цены, участвовать в выставках. Но теперь у меня была цель, «мой свет в конце туннеля», и это делало жизнь осмысленной.

В тот год немецкие коллеги видели меня в офисе не часто. Я брала отпуск за свой счет и отправлялась экспериментировать. Обычные бизнес-тренинги «Практика продаж», «Искусство вести телефонные разговоры», «Как привлечь клиента» стали настоящим откровением не только для персонала небольшой риелторской компании, но и для меня. Полная энтузиазма, я уходила за рамки обычной программы, и знания, которые я старалась передать людям, касались не только новых навыков, но и простых жизненных, часто запутанных и нерешенных проблем.

Когда мне удавалось помочь, я была по-настоящему счастлива. Следующий отпуск за свой счет я провела в кадровом агентстве, прилежно изучая практику рекрутинга. Могу заверить: труд консультанта крайне изнурительный, за день приходилось проводить до тридцати собеседований, делать до двадцати телефонных звонков. Но экзамен на профессионального консультанта я выдержала: благодаря мне за три недели закрылись три вакансии, а я научилась с первого взгляда определять в соискателе его психологический тип и соответствие требованиям фирмы.

А как же со второй целью? Мощный заряд, полученный на тренинге, заставил меня однажды сесть за компьютер и напечатать первые строчки нового рассказа. Здесь потребуется небольшое объяснение.

Лирическое отступление

Писать статьи я начала еще в студенческой многотиражке. Потом судьба совершила невероятный кульбит и летом 1989 года отправила меня в качестве переводчицы с хоккейной командой «Спартак» в Германию. Двадцать восемь крепких парней, легендарный Александр Якушев, первые впечатления от Западного Берлина (тогда еще была стена!), ледовых дворцов, неистовых болельщиков, близко-близко переживаемый труд (именно труд) спортсменов – все это заставило меня по возвращении взяться за перо и написать первый рассказ.

Его опубликовала газета «Спартак». Чрезвычайно гордая своим журналистским опытом, я потащила рассказ на суд известного журналиста-международника Томаса Анатольевича Колесниченко. Снизойдя к юному таланту, Колесниченко рассказ одобрил, припомнив, что в Америке он с удовольствием прочитал «Coffe, tea or me?» – записки стюардессы. Они ему очень понравились, и он посоветовал засесть за сборник подобных историй. В качестве напутствия Томас Анатольевич оставил добрую надпись на полях газеты: «Желаю успехов в написании „Записок переводчицы“». Но я ведь в то время стремилась стать бизнес-леди и совету Томаса Анатольевича не вняла... До поры до времени...

Мои журналистские способности эксплуатировались исключительно для составления деловых писем и коротких рекламных статей в отраслевых журналах типа «Металлургия» или «Сварщик».

Благодаря новому счастливому случаю деловая газета «Бизнес для всех», сухую информацию которой главный редактор Валерий Яковлевич Романюк хотел немного «размочить», предложила мне сотрудничество. Первым рассказом, отправленным в редакцию, стал тот самый – о переводчице. Рассказы, повествующие о жизни нашего немецкого офиса, посыпались из меня, как крупа из прорванного кулька. В течение года раз в две недели я выдавала все новые и новые истории.

В конце концов я набралась наглости и отправила несколько рассказов своей любимой писательнице, мэтру нашей литературы Виктории Самуиловне Токаревой. Через две недели, дрожа от страха, я позвонила ей. После краткого профессионального разбора моих опусов Виктория Самуиловна сочла меня «достойной» и направила в одно крупное издательство.

Дальше все происходило, как во сне: в издательстве мне сразу же предложили написать любовный роман. Через три дня был подписан договор «на создание литературного произведения „Вера, Надежда, Любовь“». Но я совершенно не представляла, как через три месяца у меня получится целая большая книга. Что я сделала? Я взяла отпуск за свой счет и написала роман о русской переводчице с немецкого языка, о ее благородном шефе, немецком графе, о Германии, масонах и неизбежном любовном треугольнике. Из писем читателей я узнала, что не интрига, не любовные коллизии, а профессиональный мир героини – переводчицы привлек их внимание.

Кризис 1998 года грянул для меня, как для большинства сограждан, неожиданно. Моя немецкая фирма закрылась, и я стала свободной, независимой и материально не защищенной. Я пачками рассылала свои резюме по кадровым агентствам и фирмам и исколесила всю Москву, разъезжая по собеседованиям. Тогда-то мне открылась другая сторона медали: оказалось, что зарплата тренера в несколько раз меньше, чем моя бывшая, и что ни одна компания не предоставляет тренеру таких льгот и услуг, на которые я всегда могла рассчитывать на своей немецкой фирме. С каким недоверием относились ко мне кадровики, когда я, бывший менеджер по продажам, пыталась получить должность PR-менеджера или тренинг-менеджера! Их легко понять – опыта работы почти нет, связей нет, и лишь одно рекомендательное письмо. Несерьезно! «Ах, она еще пишет романы?» И кто возьмет на себя ответственность направить

такого «спеца» в компанию? Я поняла, что ни мое резюме, ни объяснения не удовлетворяют потенциальных работодателей.

После многих неудачных собеседований я изменила резюме, подчеркнула свои сильные стороны, необходимые для работы бизнес-тренера, отобрала самые веские объяснения стремительного взлета карьеры и стала получать более или менее интересные предложения. В день, когда меня приняли на работу в одно из отделений Сбербанка штатным психологом, раздался телефонный звонок. Меня пригласили в организацию со странным названием. Должность звучала тоже странно: «руководитель PR-департамента».

PR-менеджер, журналист

Кто знает, может, сейчас я работала бы в окружении милых женщин из Сбербанка – обучала их правилам делового общения и бесконфликтному поведению, если бы не моя первая книга. Я до сих пор задаю себе вопрос: почему для статьи в журнале «Cosmopolitan» об авторах женских романов издатель выбрал именно меня? И почему обстоятельства сложились так, что вместо мартовского выпуска статья появилась в сентябре?

Как это часто бывает, один человек позвонил своему хорошему знакомому и просигналил: SOS! Нужен опытный, контактный, владеющий иностранными языками журналист. И хороший знакомый показал своему товарищу статью из «Cosmopolitan». «Это лучше любого резюме, – сказал он, – бери этого человека, я за него ручаюсь». Так я оказалась в Московской Международной Бизнес-Ассоциации (ММБА). Здесь удачно пересеклись все мои способности, опыт и мечты. Ни один год моей прошлой «трудовой биографии» не оказался лишним: пригодились иностранные языки, навыки менеджера по продажам, знания психологии, умение писать и выступать публично. Но этого было явно недостаточно для того, чтобы правильно подготовить пресс-релиз, провести пресс-конференцию, презентацию, работать со СМИ. И я снова села за парту – теперь уже в Российском институте по связям с общественностью.

Работа PR-менеджера каждый год бросала вызов моим «серым клеточкам» – а с выпуском собственной газеты справишься? А с крупным международным форумом в Берлине? А с клубной работой для пиарщиков? А с ночными сменами за монтажным столом в Останкино? Справилась! Теперь я знаю, как и зачем смотреть в глазок камеры, чем «перебить» тот или иной кадр. Даже сегодня мои друзья советуются со мной по event-менеджменту: я умею проводить мероприятия любого масштаба и сложности. В течение пяти лет PR-менеджеры крупных и мелких компаний с удовольствием «тусовались» на заседаниях клуба, обмениваясь опытом и просто общаясь в неформальной обстановке.

А что же романы? В свет вышли «Задумчивый разговор», «Свет в твоём окне», «Арена», главные героини которых – психолог, балерина, продюсер, журналистка из президентского пула, редактор газеты (все знатоки своего дела) и директор PR-агентства. Мои герои влюбляются, ссорятся, говорят на профессиональные темы, задумываются о смысле жизни, ищут путь к себе...

Шеф-редактор

И снова судьба совершила невероятный поворот: на одной из конференций, организованной Союзом немецкой экономики в Москве, я встретила с Томасом Анатольевичем Колесниченко, «крестным отцом» моих рассказов о переводчице. Тогда он возглавлял Департамент по связям с общественностью Торгово-промышленной палаты РФ. «Томас Анатольевич, – отрапортовала я, – ваше задание выполнено, „Записки переводчицы“ опубликованы». Великий журналист рассмеялся, подробно расспросил меня о том, чем я занимаюсь в настоящий момент, а спустя две недели я уже сидела в его кабинете и писала заявление на имя президента ТПП РФ Е. М. Примакова о приеме на работу.

Так я попала в совершенно другой мир. Словно Алиса из «Страны чудес». В Торгово-промышленной палате мероприятия были масштабнее, атмосфера строже, иерархия четче, задачи глобальнее. Государственные масштабы. Честно говоря, поначалу я чувствовала себя не в своей тарелке. «Зачем я здесь?» – с тоской спрашивала я себя. Но мудрый Томас Анатольевич знал ответ на этот вопрос. И вскоре мне была поручена разработка нового проекта Торгово-промышленной палаты РФ – собственного журнала. С абсолютного нуля – так заманчиво и так страшно!.. Не было помещения, дизайн-макета, оборудования, журналистов, верстальщиков, спонсоров, рекламы.

Мудрость моего «крестного», его огромный опыт журналиста, дружеские связи сотворили чудо – через несколько месяцев упорной работы появился первый номер журнала «Партнер ТПП РФ». Мое самое серьезное издание – экономический журнал – осваивал целину: нужно было научиться говорить о ведомственных и министерских проблемах, простым языком, доступным для большинства людей, которые всегда становятся основными «пожинателями» плодов от разномасштабных экономических реформ.

Вскоре вышел еще один номер. А потом случилось горе. Томас Анатольевич умер. И вместе с ним ушла радость, исчез смысл работы, драйв. Я поняла – пришло время искать новый путь.

Главный редактор журнала «Лиза»

В один прекрасный день я «спамово» разослала свое резюме в редакции всех женских изданий, которые только существовали на рынке. Почему я сделала именно такой выбор? Полагаю, ответ ясен – как только я стала писать профессионально, я писала для женщин и о женщинах. На мое резюме откликнулись несколько изданий. В их числе – Издательский дом «Бурда». О каком журнале издательского дома пойдет речь, мне не объяснили.

Чудесным августовским деньком не спеша, с удовольствием разглядывая витрины, я брела по Ленинградскому проспекту. Оказалось – навстречу своей судьбе. Собеседование длилось часа три. Мы «болтали» обо всем, но только не о вакансии, которую предполагалось закрыть и ради которой были устроены мне смотрины. «Под занавес» открылась правда – речь шла о журнале «Лиза».

Я согласилась сразу. Не знаю, мучали ли сомнения мое будущее руководство по поводу моей кандидатуры, но я ужасно захотела работать в этом еженедельнике.

В Торгово-промышленной палате мое заявление об уходе восприняли как предательство. «А как же журнал „Партнер ТПП“? Кто будет его выпускать? Это просто нечестно!»

Так или иначе, золотым сентябрьским днем я появилась в редакции журнала «Лиза». И пребываю в ней до сих пор. Я обожаю этот журнал! Вскоре мне поручили замечательный еженедельник «Даша». С удовольствием руковожу редакцией мистически-увлекательного журнала «Лиза. Гороскоп».

Признаюсь, я люблю «Лизу». Моя работа – источник вдохновения, энергии, она меняет мою жизнь и, как я надеюсь, жизнь сотрудников редакции. Работа коллектива «Лизы» – это творческая любовь и любовное творчество, воспитание лучших качеств личности, обоюдное самосовершенствование, вдохновение и художественный труд.

Каждую неделю я с волнением осознаю: то, что создаст наш творческий коллектив, будет волновать, интересовать, а может, и вдохновлять три миллиона читательниц России (именно такова читательская аудитория журнала). И поэтому я очень ценю в людях, с которыми работаю, желание сказать что-то важное, поделиться своим личным опытом, научить, посочувствовать нашим читателям. А читательская почта постоянно подтверждает – мы работаем не зря.

Что еще мне хочется сказать о своем ПУТИ?

Я безусловно благодарна и верна всем сотрудникам редакции, которые всегда рядом, являются моими единомышленниками и, развиваясь сами, каждый день учат меня чему-то новому. Благодарна нашему потрясающему Генеральному директору – творческой, неутомимой личности, способному далеко заглянуть в наше светлое будущее. Без него мое развитие как главного редактора, может, происходило бы иначе.

А теперь несколько слов читательницам. Все мы мечтаем о счастье, и у каждого своя мечта: любить и быть любимой, все успевать, быть для всех хорошей, красивой, многое уметь, учиться, получать достойное вознаграждение для ухода за собой и дальнейшего развития. Я желаю вам не терять близких, меньше бояться за них, не отрывать от себя любимых, не гореть в аду предательства. Берегите слезы. Берегите силы. И верьте, что все будет хорошо!

Записки переводчицы

«Шерри леди»

Ключ никак не хотел влезать в замочную скважину. Я только что вернулась с часового турне по близлежащим магазинам, и, понятное дело, не с пустыми руками. Три огромные сумки важно привалились к двери своими крутыми боками. Наконец замок и ключ вошли в контакт, щелчок – и я дома.

Уже в прихожей меня оглушила звуковая волна – это был не то Децл, не то Земфира. С тех пор как я вышла замуж за бывшего хоккеиста, большого меломана Сашу, я вообще перестала разбираться в музыке. Сейчас мой муж возлежал на диване и балдел. Увидев меня и сумки, он вскочил и, выудив банку пива, сообщил:

– Звонили эти, с паразитологии. Просят, чтобы ты им скорее высылала перевод.

Я в сердцах хлопнула дверцей холодильника:

– Да выруби ты эту музыку! Ну когда я все успею?

Саша насупился. Я обреченно уселась за компьютер, но доклад доктора Адлера для конференции паразитологов не лез в голову. Мысли витали вокруг совсем других проблем.

Дверь приоткрылась, в щель заглянул Саша и тихо позвал:

– Мариш, а Мариш...

Только сейчас я ощутила, что в квартире пахло горелым. По кухне витал сизый чад, по плите, шипя и пузырясь, текла бурая жидкость. На столе лежала поваренная книга французской кухни XVII века, купленная по случаю у букиниста, раскрытая на «руанском соусе по-королевски». А за спиной виновато бубнил Саша:

– Хотел соус к макаронам... А тут кассета с Ричи Блэкмором... Я же балдею... Потом смотрю – горит... Да что ты плачешь! Вымою я плиту! Хочешь, твою любимую песню поставлю, хочешь? Мигом!

Я уткнулась носом в книжку, рассматривая, как капли слез расплываются на пожелтевших страницах в большие темные кляксы. Стены квартиры сотрясались от музыки. Высокий мужской голос нежно выводил: «Шерри, шерри леди...»

Все еще расстроено сопя носом, Саша подобрался к комоду и взял связку ключей. Небрежно поигрывая ими, он уже с безопасного расстояния спросил:

– Мариш, я в гараж слетаю, ничего? – И, не дожидаясь моего ответа, выскользнул за дверь.

Утерев слезы, я огляделась вокруг – уютная кухонька все так же полна дыма, на плите застыла корка соуса, которую придется отдирать чуть ли не зубами, да и обед все еще не готов. Мой взгляд остановился на книге. «Руанский соус по-королевски», – повторила я вслух. Представив Сашу в короне, горностаевой мантии со скипетром и державой в руках, я расхохоталась. Бедные повара! Будь мой супруг действительно королем, они бы не отходили от плиты ни днем ни ночью, иначе не сносить им головы.

Песня окончилась, и только теперь я услышала, что телефон настойчиво разрывается от звонков.

– Это из фирмы «Интеримпекс», – проговорил мягкий мужской голос. – Мы бы хотели предложить вам работу – поездку в Ухту с двумя нашими представителями. Вылет – завтра утром. Оплата – как всегда. Ждем вас завтра в восемь в аэропорту. Вы согласны?

У меня неприятно засосало под ложечкой. Доклад паразитологов не закончен... С другой стороны, отказаться от такого выгодного предложения было бы безумием. И я согласилась.

Срочно надо было решить, что первично – «паразиты» или обед. Вздохнув, я пошла на кухню. Через два часа явился румяный с мороза муж. Он остановился на пороге, втягивая носом воздух, как гончая, чующая дичь, и радостно воскликнул:

– Свининка!

Проходя мимо отмытой сверкающей плиты, он подмигнул, подняв большой палец: «Класс!»

Сидя напротив мужа за столом и наблюдая, как весело он расправляется со свиной отбивной, я почему-то вспомнила старую историю.

Работая на одной выставке, я, вероятно, очень понравилась представителям фирмы, так как получила почти официальное приглашение на работу в Англию – намечался большой инвестиционный проект в России.

Собрали семейный совет. Мои родители были за, родные Саша – против. Сам Саша сидел потерянно посередине, зажав ладони между колен, и поглядывал своими совиными глазами то в одну, то в другую сторону. Тогда единого решения не было принято, но я верила, что все-таки уеду. Ведь два года могут пролететь так быстро...

– Нет, Мариш, – сказал тогда неожиданно Саша, – ты уезжай, только сначала давай разведемся. Я не смогу жить в одиночку, да и ты отвыкнешь от меня.

Эта фраза определила все. Я осталась, поссорившись на некоторое время со своими родителями, стенающими об упущенных возможностях дочери. Как-то так получилось, что Саша оказался тогда дороже карьеры и родителей.

А что сейчас? Сейчас уже должны были истечь те самые два года работы по контракту. Ничего не изменилось с тех пор. Я продолжаю подрабатывать частными переводами, имея свою постоянную клиентуру.

Саша, уйдя из спорта, так и не смог найти себя. Он устраивается то на одну, то на другую работу с целью залатать дыры в семейном бюджете, но, неудовлетворенный, бросает и возвращается в свой гараж, где его ждут всегда готовые посочувствовать товарищи.

...Когда ближе к ночи я вернулась к компьютеру, дух у меня был боевой. Яростно колотя по клавишам, я громко и с выражением произносила особо заковыристые слова и сочетания, как «лейшманиоз», «латентная инфекция», «пиноцитоз» и «лямблии». Ночью работает лучше всего. В половине четвертого утра факс отправил последние страницы перевода. Ровно в семь меня разбудили Саша и «Шерри леди». Пора. Оставив Сашу в потоке децибеллов, «дыша духами и туманами», я уселась в заказанное такси. «Итак, сегодня двадцатое... Два дня в поездке. Сколько же я заработаю?» – прикидывала я. И, вздохнув, решила: – Куплю Саше новый диск, так и быть. Он давно о нем мечтал».

Ночной монолог

Все-таки здорово очутиться после слякотной, просоленной Москвы в настоящей зиме с прозрачным воздухом и скрипящим снежком под ногами! Нас было трое – два представителя фирмы «Интеримпекс» из Кёльна и я.

Встречала нас худенькая, востроглазая девушка в высокой, похожей на полковничью папаху, шапке. В руках она держала листок с названием нашей фирмы и явно очень волновалась. Видимо, это ее первая официальная встреча гостей.

По дороге из аэропорта в город выяснилось, что она закончила местный пединститут и очень неплохо говорит по-немецки, однако от робости не может ответить ни на один самый простой вопрос наших иностранцев. Я с ностальгией вспомнила свои первые встречи-проводы. А пока с удовольствием смотрела в окно на проплывающий мимо город. Люблю я вечерние города. В них всегда все кажется таинственным и неожиданным. При этом я себя ощущаю героиней романа, которая мчится куда-то...

Примчались...

Поселили нас в заводской гостинице с романтическим названием «Волна». Мартин Мюллер, неунывающий весельчак и балагур, потерял присущее ему чувство юмора, когда узнал, что его ожидает двухкоечный номер, который он разделит со своим коллегой Зигфридом Вайссом. При этом «удобства» располагаются в конце коридора. Мне досталась узкая одноместная комната, называвшаяся из-за наличия в ней «удобств» «люксом». В этом «люксе» было страшно холодно, и ночью мне пришлось накинуть поверх одеяла шубу.

Утром, за завтраком Зигфрид и Мартин с неподражаемым актерским искусством в духе Дж. К. Джерома рассказывали, что происходило с ними ночью, – о том, что Зигфрид впервые услышал храп Мартина, и как Мартин блуждал ночью по коридору в поисках туалета, распушивая своей пижамой кавказских постояльцев.

Так или иначе, мы приехали сюда работать, и нам пора было на завод. Нас уже ждали. Пока мы излагали свою точку зрения, российская сторона слушала нас чинно и с пониманием. Стоило нам задать конкретный вопрос, начиналось нечто невообразимое. Отвечать на вопрос вызывался один специалист и говорил примерно так: «Конечно, мы это сделаем». Моментально отзывался второй и решительно опровергал заявление предыдущего. В разговор вмешивался третий коллега, чтобы выступить в роли арбитра, который пытался рассудить обоих. Переводить было невозможно. Мы сидели и смотрели, как бушуют страсти. Через некоторое время спорщики пришли к консенсусу и выдали нам коллективно составленный ответ.

Переговоры затянулись до позднего вечера. Я чувствовала себя страшно усталой и опасалась, что при таких темпах нам придется остаться в этом городе еще на один долгий день. Так бы и случилось, если бы не заместитель директора, представившийся нам коротко: «Решетов». С появлением этого человека возникло ощущение ворвавшейся шаровой молнии. Возня и споры прекратились, Решетов действовал решительно и четко. За час были решены все вопросы и подписан протокол.

После переговоров во время ужина Решетов был душой компании. С Мартином он нашел общий язык, и оба на пару смешили весь стол и, кажется, весь ресторан «Русская изба».

Время от времени Решетов бросал на меня взгляды, в которых читалось тревожное любопытство, как будто он пытался разрешить какой-то вопрос. После ужина он сам отвез нас в гостиницу. Пока немцы, оживленно переговариваясь, вылезали из машины, он несмело спросил:

– Вы не согласились бы осмотреть Ухту? У нас есть много красивых мест.

Я изумленно уставилась на него. Но он совершенно серьезно добавил:

– Особенно вечером.

Зигфрид и Мартин скрылись за дверью гостиницы. «Мерседес», мягко заурчав, унес меня в ночной незнакомый город.

– Вам не холодно? – первым нарушил молчание мой неожиданный экскурсовод.

– Скажите, а как вас зовут? Ведь кроме фамилии у вас есть имя, – поинтересовалась я.

– Андрей, – ослепительно улыбнулся он.

Честно скажу: я почти не помню города, по которому мы совершали удивительное ночное путешествие. Я чувствовала, как время сжималось вокруг нас, и ощущала способность предвидеть каждое последующее слово моего спутника и каждый жест. Андрей изредка посматривал на меня черными глазами и молчал. Но я знала – через три секунды он заговорит, и все, что он скажет, останется со мною на всю жизнь.

– Я ведь недавно здесь живу, – начал мой собеседник. – Приехал из Заполярья семь лет назад, а до того жил в маленьком городке в Узбекистане. Представляете, из жары в холод, вечную мерзлоту. Но я сказал себе: «Ты что, испугался? Отступать? Нет, ни за что!» В Узбекистане я много чего сделал, почти своими руками на пустом месте создал предприятие, о котором заговорили в Союзе. Меня уважали, боялись, я ведь директором был, депутатом Верховного Совета. Казалось, меня ждет только успех, счастье и достаток. Но когда возносишься высоко, очень больно падать. Нашелся один подлюга, который стал копать под меня, искать компромат, интриговать. Началось следствие, обыск и допросы. Захлопнулась за мной дверь камеры. Пять раз прокрутил в голове свою жизнь, думал, сведу с ней счеты. Но понял: не за что мне себя упрекать. Жил честно, все заработал своим трудом – и уважение, и деньги, словом, все. Нашлись люди – ездили в прокуратуру в Москву, здесь хлопотали, закрыли дело. Вышел я через три месяца на свободу, но оставаться на старом месте уже не смог. Переехал сюда. Директором не назначили, стал замом. Но меня это не трогает и не унижает. Мне сейчас ничего уже не страшно. Боюсь только, что умру внезапно, так и не сделав чего-нибудь стоящего. Сердце подводит. Через день в кабинет «скорую» вызывают. Говорят, надо уходить с работы. Но как я уйду, если в ней моя жизнь? Я все здесь знаю на ощупь, всех рабочих по имени, как у кого дела. Они это ценят. Скольких я от водки отучил, в семью вернул. Недавно беженец из Чечни устроился к нам. Декабрь, а он в плаще тонком – вещи все в Грозном пропали. Я приказал за свой счет его одеть... Зато я знаю – люди на работе думают только о работе, не болит у них душа ни за дом, ни за семью.

Я, не перебивая, слушала монолог Андрея. Мужество, уверенность, сила и столько боли и отчаяния сочеталось в этом человеке!

– Знаете, – продолжал он, – я благодарен вам за то, что вы здесь, со мной. Я наблюдал за вами весь день. Марина, вы – профессионал высокого класса. И дело не только в языке. Я видел, что вы утомлены, но вы ни на минуту не сбавили темпа и оставались такой же спокойной и доброжелательной. Вы были четки, организованны, не показали своего раздражения от несоразности наших деятелей. Они – отличные ребята, но прямо с производства, учатся на ходу, не все получается сразу. И благодаря таким людям, как вы, они учатся мастерству. Вы – умница и чудесная женщина. – Он вздохнул. – Когда я слышу об активных женщинах, мне становится так обидно. Я вспоминаю сразу свою жену – ничего не хочет делать! Только читает дамские романы и смотрит сериалы. А ведь была умная, красивая девушка. Тоже о чем-то мечтала, хотела многого добиться. Да я сам виноват – сбил ее с толку. Знаете, как мы поженились?

Он остановил машину и повернулся ко мне. Мы находились на какой-то возвышенности, перед нами, как на ладони, раскинулся город, сверкали редкие огоньки окон, светился факел нефтеперерабатывающего завода.

Мой спутник тем временем продолжал:

– Я был видным парнем там, в Узбекистане, комсоргом, капитаном волейбольной команды, занимался борьбой, у меня был авторитет. Городок-то крошечный. Все девчонки строили мне глазки, но появилась Галя, и я решил: «Новенькая будет моя». Она приехала

пожить у сестры и подготовиться на юрфак в следующем году. Я стал за ней ухаживать, но, наверное, не любила она меня никогда. Однажды я сказал ей: «Галя, выходи за меня замуж». Она гладила белье и, не отрываясь, кивнула в сторону окна: «Вон паспорт мой, на подоконнике лежит». Ах так, думаю, взял ее паспорт – и в ЗАГС. Там у меня дружок был... Когда я ей паспорт со штампом показал, она чуть не упала. Но деваться-то было некуда. Стали жить. И всю жизнь она меня пилит, пилит... Я много работал, а она мне устраивала скандалы, что я по бабам бегаю. От секретарши моей требовала отчет, где и с кем я бываю. Уходила от меня с сыном раз десять, потом возвращалась. Разводиться с ней не могу, чувствую, что виноват перед ней за свое молодечество, за ЗАГС этот, за жизнь, которая могла бы у нее быть и которой нет. Мне сейчас так легко стало, что я это рассказал. Вы умеете слушать. Можно мне позвонить вам, когда я буду в Москве? Завтра я приеду проводить вас в аэропорт.

– Спасибо, Андрей. Все у вас будет хорошо, – ответила я ему.

Коротко просигналив, машина умчалась.

Утром меня разбудил Зигфрид, деликатно постучавшись в дверь. Пора в аэропорт. До последней минуты я искала глазами в толпе провожающих высокую фигуру Решетова. Но он не появился. И не позвонил.

Наверное, никому не захочется встретиться второй раз с попутчиком, которому неожиданно выкладываешь свою душу. Я оказалась тем самым попутчиком в жизненном поезде Андрея...

Аврал

– Марина! – гулко пронеслось по коридору. Мраморный пол – как лед для моих шпилек, и я элегантно ласточкой впархиваю в переговорную, вызывая всеобщее изумление.

Мой шеф, господин Штоссманн, приходит в себя первым:

– Марина, помогай нам немножко, – говорит он по-русски и величественно указывает на стул.

Вот уже третий месяц, как я работаю в представительстве одной крупной транснациональной компании, многое до сих пор мне странно и непривычно.

Два немецких техника и два российских эксперта нетерпеливо ждут, пока я устроюсь на стуле у большого, как карта мира, чертежа. Начинает немецкий инженер. Он четко говорит, тыкая острием карандаша то в одну, то в другую деталь производственной линии, которую наша фирма продает российскому заводу. Переводить его легко, он знает, где сделать паузу, где что-то подсказать, а также, называя цифры, всегда одновременно записывает их на листе бумаги.

– А ты скажи хлопцам, – прерывает его розовощекий главный инженер завода, – что мы это представляем иначе.

И за этим следует длительное пространное объяснение. «Хлопцы» яростно настаивают на своей версии, Главный их перебивает, в разговор включается мой шеф, и вскоре я оказываюсь не в состоянии перевести всеобщий гвалт. Один только начальник цеха невозмутимо следит за развитием событий – накануне его слуховой аппарат вышел из строя. Так что для того, чтобы ввести его в курс переговоров, требуется море децибеллов.

«Карта мира» ездит по столу то в одну, то в другую сторону. Деталь установки, похожая на валенок, вся исчеркана замечаниями на двух языках.

– Как же вы не понимаете, все дело в загрузке! – фальцетом кричит Главный.

Немцы решают вопросы с помощью статистики – в воздухе мелькают папки, чертежи, таблицы, которые одна сторона передает через стол другой.

– Господа, господа, выслушайте меня! – тщечно взывает один из техников.

В пылу полемики Главный хватает чашку кофе Штоссманны и осушает ее махом.

– Что-что? – пытается расшифровать наши страсти глухой начальник цеха.

– Марина, сбегай скопируй спецификацию!

– Марина, отпечатай текст с новыми данными!

– Марина, еще кофе!

– Ты переводить сегодня собираешься или пришла пообщаться? – Мой шеф неподражаем.

Переговоры идут своим ходом далее. Постепенно приближаемся к предварительному подписанию контракта.

– За два часа успеешь? – с угрозой осведомляется босс.

– А если не успею? – бросаю ему вызов.

Два часа сумасшедшей работы над поправками, таблицами и изменениями сочетаются с продолжением переговоров непосредственно у меня за спиной – то калькуляция оказывается неполной, то текст дополнения к контракту меняется. Ощущение последнего дня Помпеи не покидает меня. И в качестве «приятного» сюрприза принтер решает сегодня отдохнуть.

– Что там у тебя, мы ждем! – нервничает начальник.

– Принтер не работает, – заявляю я.

По его бледнеющему носу понимаю, что ему приходит на ум. Когда я только начинала, мой драгоценный босс был страшно доволен тем, что получил наконец секретаря-переводчика, и делал все, что, по его мнению, полагается настоящему крутому руководителю. Я не говорю о

бесчисленных чашках кофе и ксерокопий, которые мне приходилось таскать с третьего этажа на первый, я не вспоминаю его кошмарную диктовку и командный тон. Одного я перенести не могла. Всякий раз, когда телефон звонил у него на столе, я должна была вскочить, снять трубку, ответить и только после этого передать ее млеющему от сознания собственной важности Штоссманну.

Однажды в его отсутствие я разобрала трубку, выдрала кое-какие проводочки, и телефон замолчал. Теперь боссу приходилось вскакивать со своего места и бежать к моему аппарату. Я была на седьмом небе. Правда, когда пришел телефонный мастер и что-то сказал шефу, то по обалдевшему виду первого и озадаченному виду второго я поняла, что моя проделка раскрыта.

Шеф не сказал мне ни слова, но с тех пор стал отвечать по телефону сам.

Уж не вспомнилась ли ему эта история сейчас? Я судорожно нажимаю на все кнопки принтера, и умная машина, вздохнув, начинает выбрасывать листки с текстом контракта.

– А где наша печать? – В глазах Штоссмана стоит ужас.

Печати нет. Ее взяли коллеги Боря и Гена на свои собственные переговоры. Так как к отсутствию печати я не причастна, то со спокойной душой наблюдаю, как босс носится и рвет на себе волосы. Обнаружив дубликат печати, он старательно ставит оттиски на контракте.

ВСЕ, закончили!

В переговорной царят оживление и смех. С улыбкой именинника шеф рассказывает с бутылкой виски, подливая каждому щедрой рукой.

И вот мы прощаемся друг с другом, и гости теребят пакеты с сувенирами фирмы, смущенно перемигиваясь.

Когда все наконец разъезжаются, я перебираюсь с кипой бумаг к своему столу. В понедельник начнется будничная жизнь – переводы, письма, звонки, занудство шефа.

Зачем я только откликнулась на объявление: «Требуется квалифицированный секретарь-переводчик, способный работать в цейтноте»?

Сила коллектива

Когда сегодня, дыша как паровоз, я ворвалась в свою рабочую комнату, белеющий на столе листочек бумаги ухудшил мое и без того мерзкое настроение.

Дело в том, что я уже знала, что бисерным почерком наш начальник вывел на нем формулу, приводящую в бешенство всех моих коллег: «Я был здесь в 9.02 или 03 или 01», в зависимости от того, кто и на сколько минут опаздывал к началу рабочего дня. Характерно, что несколько раз в качестве контрмеры предлагалось оставлять у него на столе записки: «Ушли с работы в 21.10 или в 22.00», но почему-то до конкретных действий так и не дошло.

Дотошный педант с манией величия – вот каким был наш шеф. Проработав полгода на этой фирме, я многое научилась воспринимать бесстрастно, но эта дотошность выводит меня из себя до сих пор! Плюхнувшись за стол, я остервенело разодрала записку в клочки, вымещая на ней свою жуткую злость.

С утра все не заладилось. Выйдя из дома, я обнаружила, что поехала петля на колготках, пришлось возвращаться. Дома же я установила, что черные колготки закончились, а светлые к моему костюму не подходят. Пришлось переодевать и колготки и костюм. Конечно, я опоздала на свой автобус, следующий пришел через двадцать минут. И вот после такого мне еще подкидывают на стол разные пакостные записки!

Телефон не смолкал ни на минуту. Все просили соединить с многоуважаемым господином Штоссманном. Я переводила звонки на его номер и только принималась выуживать бумаги и ручки из своего стола, как телефон трезвонил снова.

Звонок по внутренней связи. На проводе шеф.

– Доброе утро, – вопит он в трубку, – запишите телефон и постарайтесь дозвониться!

«Чем писать!», все ручки в столе. Чертыхаясь про себя, я судорожно пытаюсь удержать в памяти номер. Очередной бзик нашего начальника – стол после окончания рабочего дня должен оставаться стерильным. Поэтому все запихивают свои канцтовары, включая ручки, скрепки и точилки вечером в ящики стола, понося Штоссмана на чем свет стоит.

Из кабинета начальника появляется распаренный Боря. Уши у него такие красные, что у меня рождается подозрение, что шеф стал грешить рукоприкладством. У Бори дрожат губы, но, закрывая дверь, он почтительно говорит:

– Да, господин Штоссманн. Конечно, господин Штоссманн.

«Утренняя баня» – вот как это называется. Я мысленно благодарю высшие силы за то, что опоздала, иначе под горячую руку начальника попала бы я. Шеф нуждается в утренней разборке – это дает ему энергетический заряд на весь день. Любой из сотрудников, попавший с самого утра в его кабинет, подвергается издевкам, критике и абсолютно не имеет возможности изложить свой взгляд на тот или иной предмет.

На переговорах он – душа компании и светский лев. Штоссманн ослепительно улыбается, делает комплименты, долго трясет всем руку, заглядывая в глаза. Начальник немного говорит по-русски, но весь его скудный запас русских слов полностью используется в ситуации обо-льщения заказчика.

Я заметила, что наши клиенты, как кролики, никуда не могут деться от пронзительных глаз и вкрадчивого голоса шефа. Он обволакивает, увещевает, шутит и обещает золотые горы. Я послушно перевожу его речи, замечая при этом, что сама начинаю говорить льстивым, мягким голоском, словно озвучиваю сказку про семерых козлят.

Особенно неотразим Штоссманн в разговоре с дамами. Они тают, называют за глаза милашкой и дают ему все, что он попросит. Мужчины держатся дольше. Но они также весело смеются любому анекдоту, рассказанному Штоссманном. Даже если переговоры заходят в тупик и мы не можем прийти к согласию, клиент все равно вспоминает добрым словом нашу

фирму и господина Штоссмманна. Я считаю, что Штоссмманн учился гипнозу. Другие сотрудники нашей фирмы разделяют мою точку зрения: «Если Штоссмманн захочет, он добьется своего».

Сегодня, «помыв» Борю, он выпархивает из своего кабинета и, сообщив: «Я у директора», – бросается вниз по лестнице так стремительно, что фалды его пиджака разлетаются как ласточкин хвост.

Это – еще одна черта шефа – быть приятным своему начальству. О, как он преображается, когда перед ним вышестоящий господин! Нет громовержца Штоссмманна, нет обольстителя господина Штоссмманна, есть готовый на все подчиненный! И начальство верит в его искренность и благоволит к нему более, чем к другим начальникам отделов нашей фирмы.

Пока наш начальник пьет кофе у директора, мы собираемся своим небольшим коллективом – и о чем бы ни заговорили, наш разговор неизменно переходит на проделки Штоссмманна.

Я высказываю предположение, что нас всех, вероятно, ждет паранойя, если мы не прекратим говорить о нем. Это находит сочувственный отклик у моих коллег, особенно оживленно эту тему подхватывает Боря, в котором еще кипит обида за сегодняшний утренний разговор. Ни для кого не новость, что если Штоссмманн заключает с кем-то контракт, только он пожинает лавры успеха, а вся черновая работа спихивается на исполнителей.

В спокойное течение моих мыслей врывается голос начальника. Подобно иерихонской трубе, он давно вопит у моего стола, диктуя очередное задание. Поймав последнюю фразу, я методом ассоциаций выстраиваю целиком поручение и – не могу поверить.

Каждый год в штаб-квартире нашей фирмы устраивается совет начальников отделов от различных филиалов фирмы. Во время совета вниманию правления представляется отчет о работе, читаются доклады, обсуждается стратегия и кадровые вопросы. Наш шеф настолько успешно попил кофе у директора, что честь представлять наш филиал на совете в этом году достается ему. Его просто распирает от важности возложенной на него миссии. Но за всем этим сквозит легкая нервозность, ведь доклад о работе нашего отдела должен быть отправлен в правление завтра, где он будет тщательно изучен и оценен, а послезавтра шеф уже должен лететь в Вену. На заседании Штоссмманн должен выступить лишь с коротким резюме по итогам работы.

Результатом умственных усилий Штоссмманна является название: «Стратегия и тактика успеха отдела сбыта в условиях нестабильной экономики». Все остальное предоставляется сделать нам. Ободренный перспективой участия в совете, шеф срочно собирается на очередную тусовку в посольство, где наверняка поделится своими новостями с каждым встречным.

Распределив обязанности, мы лихорадочно работаем часа два по сбору информации и составлению сводок и таблиц. После этого, провожая завистливыми взглядами коллег из других отделов, уходящих домой, как все нормальные люди, в шесть часов, мы собираемся у меня в комнате.

– Написать бы Штоссмманну такой доклад, чтобы его сразу выгнали, – высказывает кто-то опасную идею.

Все невесело смеются, но мысль, словно зерно, брошенное в благодатную почву, начинает свое развитие.

– Перепутать бы все цифры, – говорит Валя, менеджер по транспорту.

– Спишут на ошибки в компьютере, – возражает Гена, аналитик и статистик.

– А если написать, что мы не добились никаких результатов и все плохо, и будет еще хуже? – предлагаю я.

– Но статистика же показывает прибыль, – возражает Гена.

– Эврика! – заходится в крике Боря. – Мы напишем, что все отлично, Штоссмманн добился невероятных результатов, отдел сделал большой скачок вперед и так далее. Такого гениального менеджера точно держать на задворках не станут.

На секунду воцаряется молчание, настолько потрясающе звучит эта идея. Гена набрасывает план, и с непривычным для нас энтузиазмом мы набрасываемся на работу.

На следующий день на столе Штоссманны лежит отчет, который повествует о выдающихся успехах шефа в кадровой перестройке, маркетинговых исследованиях рынка, успешном управлении персоналом, расширении круга заказчиков. И это все его заслуга, и только его!

Штоссманн, розовый от удовольствия, ставит свою подпись под отчетом. Мы аккуратно запечатываем свою надежду в красно-белый конверт курьерской почты DHL. Вечером он полетит в Вену, где на столе у председателя правления произведет эффект разорвавшейся бомбы.

Все последующие дни нас лихорадило. Честно говоря, было не до работы. Мы сбивались кучкой у кого-нибудь в комнате и взвешивали все шансы «за» и «против» – выгорит ли наше дело или нет. Одушевшие от кофе и табачного дыма, мы расходились по рабочим местам с тем, чтобы через час, зайдя к кому-нибудь якобы по делу, увидеть там всех, азартно обсуждающих наш план. Никаких новостей из Вены не поступало.

Выходные прошли как один длинный, тягучий день. В понедельник с утра к нам зашел директор. В своей обычной нудной манере он говорил о том, что необходимо заключать больше контрактов, использовать все резервы, улучшать дисциплину. (Ничего у нас не выгорело. Обычный, рутинный понедельник!)

– Мы надеемся на вас, – закончил свою речь директор, – потому что некоторое время ваш отдел будет работать без руководителя. Господин Штоссманн срочно переведен в сингапурский филиал.

Миссия в Спирьевске

– Это просто как в фильме ужасов!!! – оглушила меня телефонная трубка голосом главного механика объединения «Спирьтранснефть». – Такого кошмара мы еще не видели – на всем протяжении трубы вода вырывается, как из фонтана! Срочно вылетайте с техником завода.

Несчастный господин Гримм и не подозревал, что он когда-нибудь увидит Россию, да еще при таких стрессовых обстоятельствах. Все основные техники отбыли на шеф-монтаж в другой город вместе с нашими инженерами, и он один должен был защищать честь фирмы-производителя в далеком сибирском городе Спирьевске.

Внешне Гримм был похож на гнома – с бородкой, мягкими карими глазами, маленькими ручками и ножками, только не хватало колпачка с помпоном.

Домодедово встретило нас обычным треском упаковочных лент, которые хищно охватывали исполинские сумки русских челноков. Гримм был в шоке. В прострации он погрузился в самолет и не без опаски уселся в не очень чистое кресло под номером 13. Весь полет он не открывал глаз и, похоже, молился про себя. Когда самолет заходил на посадку в Новосибирске, Гримм раскрыл глазки и тяжело вздохнул. Он думал, что его страдания закончились. Как он был не прав!

Нас не встретили.

До Спирьевска было три часа езды на машине, а в девять часов вечера нас вряд ли кто согласится везти в такую даль. Когда разболтанной походкой к нам подошел молодой человек и спросил, не желаем ли мы такси, я рискнула.

– А до Спирьевска сколько? – с независимым видом осведомилась я, словно речь шла о поездке от Свиблово до ВДНХ.

Молодой человек задумался.

– Сто баксов, – выпалил он, выпучив глаза.

– Едем, едем, – умоляюще зашептал мне Гримм, – у меня есть доллары.

Мышиного цвета «Волга» мчалась в темноте. Уже два часа нас трясло по ухабистой дороге. Гримм молчал. Говорить было сложно. Музыка в салоне гремела вовсю.

– Ах, какая женщина, – выводил водитель вместе с радиоприемником.

Лесная дорога становилась все круче и круче, и наконец лучи фар уперлись в большие железные ворота. Из ворот выскочили люди в камуфляже и с автоматами. Мощный прожектор осветил наш автомобиль. Гримм в ужасе зажмурился.

– Кто такие? – потребовали ответа.

– Мы заплутали, Спирьевск ищем, – заканючил водитель. Он выполз из машины и, преодолевая желание сделать сразу «руки вверх», стал объяснять свой маршрут. Незатейливый вид шофера, мои испуганные глаза и обморочное состояние Гримма не внушило серьезных опасений вооруженным людям, и нас отпустили.

– Ну, дела, – отдувался водитель, – надо же налететь на ракетную часть! Если бы они узнали, что у нас иностранец в машине, – кранты! Дома бы нас не дождались!

Только когда забрезжил блеклый рассвет, наш еще более посеревший автомобиль въехал в сонный город Спирьевск. Как ни странно, в городской гостинице нас ждали, и сразу проводили в номера.

Водителю «Волги» мы заплатили по настоянию Гримма всего пятьдесят долларов – за моральный ущерб и потрясение, пережитое нами в пути.

В десять нас разбудил звонок секретарши главного механика, сообщившей, что в одиннадцать за нами приедет машина и отвезет нас на полигон. Завтраки в нашем «отеле» были не предусмотрены, так что растворимый кофе и кипятыльник, которые я взяла с собой, а также

пачка печенья оказались нелишними. Позавтракав таким образом, мы с Гриммом спустились к авто. Нас ждал «Газик», именуемый в народе «козел». Сорок минут мы ехали по таежной дороге и наконец прибыли на полигон.

Нас встретил главный механик – суровый усатый мужчина. Рядом с ним стояли трое мужчин со слегка пришибленным видом – они явно не привыкли встречать представителей инофирмы.

– Вы видите! – грозно и без всякого предупреждения накинулся на Гримма главный механик, указывая пальцем на своих оробевших спутников.

Гримм посмотрел в их сторону, не дожидаясь моего перевода. Ни он, ни я не обнаружили ничего аномального.

Главный тем временем продолжал:

– Чуть не убились сейчас, испытывая вашу трубу.

«Пришибленные» стали еще печальнее.

– Что за... вы нам поставили?

Тут с переводом я замялась... Уловив, однако, общий смысл, Гримм с надеждой посмотрел на меня. Воспользовавшись паузой в обвинительной речи главного механика, я перехватила инициативу:

– Господа, что же это мы стоим, давайте присядем и обсудим все спокойно.

– Да где присядем?! – загремел успокоившийся было главный механик, и чудом спасшиеся работники мелко закивали. – Там воды по колено!

Оказалось, что поставляемые нами трубы не просто не выдерживают гидроиспытания, а лопаются даже при незначительном увеличении давления. Воду, подаваемую для испытаний, не успевали отключать, и испытания проходили под знаком Нептуна. В последний раз металл оказался настолько непрочным, что труба разорвалась, а осколки ее разлетелись во все стороны, действительно чуть не покалечив операторов. Придя в себя, операторы сообщили нам, что за всю свою трудовую деятельность они подобного не встречали.

Гримм внимательно слушал объяснения и делал пометки в блокноте, устроившись на скамейке под пожарным щитом. Почувствовав себя в родной стихии, он приободрился и выглядел совсем молодцом, увлеченно записывая все данные, составляя графики. Спустя полчаса взявший себя в руки главный механик, уже не нуждаясь в моих услугах, помогал ему в составлении кривой, объясняясь на каком-то птичьем языке. Повеселевшие операторы уселись под елкой курить, а я, ощущая свою ненужность, прогуливалась взад и вперед.

Наконец, основные параметры были обсуждены, в зал, где недавно проходили испытания, мы так и не рискнули войти и, мирно погрузившись в «козла», поехали назад в город.

Главный механик повеселел, тяжесть ответственности уже не давила на его плечи, ведь ее разделил похожий на гномика немецкий инженер Гримм.

Обсудить создавшуюся ситуацию и составить протокол предполагалось в кабинете главного механика в объединении.

Нас провели в столовую, где все сотрудники управления «Спирьтранснефти» каждый день проводили свой обеденный перерыв. Главный посадил нас за стол и, пообещав вернуться через полчаса, ушел.

Гримм с аппетитом съел и первое и второе, выпил компот из чернослива и по примеру сидящих вокруг вилкой выковырял чернослив из стакана. Он выглядел почти счастливым.

В кабинете главного механика собрался весь технический отдел. Клубился табачный дым, многоголосый говор походил на жужжание, которое чуть стихло, когда мы вошли в кабинет.

Гримм с удивлением озирался вокруг. Рядовое обсуждение испытаний было запланировано организаторами как грандиозное шоу, и от нас безусловно чего-то ждали. Поэтому нас

посадили в центре, включили видео, и на экране возникла труба и ее последующие бесславные трансформации. По окончании фильма вся аудитория с жадным интересом посмотрела на нас.

Гримм откашлялся и уверенно стал высказывать свои соображения. Его доводы были логичными и конкретными.

– Вина нашей фирмы очевидна, но и режим испытаний был неправильно подобран, – такова была основная мысль.

Все загудели, задвигали стульями, в адрес Гримма посыпались вопросы, Гримм отвечал, я переводила со скоростью пулемета.

– Мы что здесь, дураки, что ли? – спросил кто-то. – Россия – не помойка, хватит присылать нам всякую ерунду!

– Вина коммерческого отдела здесь налицо, – слабо протестовал Гримм. – Просто для класса поставленных труб режим испытаний был неверен.

– Так нечего было халтурить и продавать невесть что. На тебе, боже, что нам негоже, так, что ли? – волновались вокруг.

Гримм облизал пересохшие губы.

– Я просто не могу понять, в чем дело, такого позора я не припомню, – пожаловался он мне.

– Нам трубы класть надо, а теперь что делать? – крикнули из дальнего конца кабинета.

– Господа, господа! – Гримм попытался утихомирить взволнованных людей. – Конечно, нам придется поставить взамен качественные трубы, без сомнения.

Гул усилился.

– Нам трубы сейчас класть надо, – монотонно гудел все тот же угол комнаты.

По оживленному виду главного механика было видно, что он очень доволен ходом дискуссии. Гримм чуть не плакал.

– Ладно, – наконец милостиво произнес главный механик, – что вы на него налетели? Он-то сам не виноват. Сейчас составим протокол, придет менеджер с фирмы, с ним разберемся.

– А что сейчас класть будем? – В дальнем углу все еще проявляли беспокойство.

– Да тихо ты! – прикрикнул главный. – Где наш протокол, готов? Давай подписывай.

Гримм послушно расписался и с облегчением вздохнул. Наша миссия в Спирьевске была закончена.

– Ну, а теперь, – подмигнул Главный механик, – требуется это дело обмыть.

– Я не пью, – скромно ответил Гримм, – мне нельзя.

Главный коротко хохотнул:

– У нас говорят: если нельзя, но очень хочется, значит, можно, – и протянул стакан.

– Пригубите слегка, – посоветовала я растерявшемуся Гримму.

Похоже, он снова впадал в транс.

Коррида

– Ну ты представляешь! – ворвался ко мне в комнату Гена, задохнувшись от быстрого бега по лестнице. – Нам из Вены присылают нового шефа!

– Кого? – спросила я, мгновенно стряхнув с себя наваждение перевода крекингового процесса, которым занималась.

– Этого не знаю. – Гена был искренне огорчен.

– Но ты же аналитик, подумай, порасспрашивай, кого надо, – приободрила его я.

– Ты что, – зашипел на меня Гена, – это же тайна. Не говори пока никому!

Боже мой, не прошло и двух месяцев, как наш бывший шеф господин Штоссманн покинул нас, а нам уже навязывают нового босса. Наш отдел сбыта московского представительства, где я работаю уже полгода с хвостиком, никак не могут оставить без чуткого руководителя. Хорошо, что коллектив у нас небольшой, но дружный. После отъезда господина Штоссманна мы не стали хуже работать, дисциплина не упала, прибыли как росли, так и растут. И мы уже подумали, что нам никого не пришлют, как появляется Гена со своей потрясающей новостью, да еще в понедельник, который, как известно, день тяжелый.

Гена, видно, не смог сдержаться, так как после обеда ко мне потянулась вереница просителей, то за папками, то за печатью, то за конвертами, то за переводом. И хотя все молчали об истинной цели своего визита, но по напряженным лицам я ясно читала – всем отчаянно хотелось узнать, кого нам назначили. Никто не ожидал, что очень скоро об этом мы узнаем сами.

Неделя прошла в заботах – к нам внезапно приехала куча делегаций. Мы мотались по заводам и фирмам, знакомясь, пробивая контракты, уламывая заказчиков.

С нашими австрийцами явились корейцы, и каждое утро они требовали чайник горячей воды, в котором разводили свои диковинные корейские полуфабрикаты. Добродушные австрийцы в гастрономическом плане не доставляли никаких хлопот. Правда, диалект этих гостей был особый, я понимала через два слова на третье. К чести сказать, остальные сотрудники нашего отдела, владевшие и английским и немецким, не понимали их вовсе. А речь шла о крупнейшем проекте.

В таких мучениях мы совсем забыли, что у нас должен появиться **НОВЫЙ ШЕФ**.

Утром в понедельник директор представительства представил мне невысокого, хорошо сложенного мужчину лет тридцати пяти, который немного испуганно улыбался.

– Познакомьтесь, Марина, – ласково начал он, – господин Лемке, ваш новый начальник.

– Здравствуйте, – по-русски, но с большим акцентом, поприветствовал меня господин Лемке.

В четверг, войдя в свою комнату ровно в девять, я застала нового шефа за очень странным занятием. Он рылся в ящиках моего стола, выуживая, по его мнению, наиболее привлекательные ручки, карандаши и прочую канцелярскую мелочь. Он менял свои исписанные старые ручки и карандаши, методично укладывая их в мой стол. Я на цыпочках отошла от комнаты и опустилась на первый попавшийся стул. Через минуту я возобновила попытку попасть на рабочее место. Шеф был все еще там. Теперь он трудился над заменой моего новенького компьютера на старый, оставшийся от прежнего шефа. Мое появление не вызвало у него ни капли смущения. Воткнув последний штекер, он с довольным видом отошел от моего стола и, насвистывая, удалился в свой кабинет.

– Вот это номер, – сказала я себе, включая древний IBM.

Обсудить эту ситуацию я смогла только во второй половине дня, после того как все собрались в комнате Бори и Гены.

– Может, он тайный клептоман, – предположил Боря. – После кражи ему становится стыдно и он возмещает ущерб своими вещами?

– Уйду я с этой работы, никакого спокойствия. Так хорошо было на вольных хлебах! – решительно сказала я.

– Ха, в который раз мы это слышим, – засмеялись все. – Из нашей конторы ты уже никуда не уйдешь, будешь переводить нам до пенсии.

В пятницу я пришла на работу в половине десятого, философски поразмыслив над тем, что господину Лемке понадобится время, если он захочет заменить еще что-нибудь.

Действительно, меня ждали перемены. Половина моих красочных ярких папок была заменена на какие-то картонные чудовища с корявыми замками. Лемке что-то увлеченно писал моей любимой ручкой у себя в кабинете.

Вернувшийся из командировки Слава, самый спокойный и уравновешенный из всего отдела, зашел к шефу и через пять минут вылетел пулей из его кабинета. За ним гнался, потрясая в воздухе карандашом, сам Лемке. Оба так стремительно промчались мимо меня, что я ничего не успела понять.

После того как сердобольная горничная Оля из кухни напоила Славу валокордином, он оказался в состоянии рассказать что произошло. Он зашел к начальнику с просьбой подписать для бухгалтерии телефонный счет – из гостиницы в Липецке. Слава дважды говорил с Веней по рабочим вопросам. Лемке же всучил этот счет Славе обратно, заявив, что непорядочно требовать от фирмы компенсации. Например, он принес на фирму свой собственный карандаш и не требует ни у кого возмещения стоимости этого карандаша.

Слава против обыкновения вспылil, и они помчались к директору, чтобы он разрешил этот спор. Инцидент был исчерпан в пользу Славы. Расстроенный Лемке заперся у себя в кабинете.

Вечером того же дня мы отправились с боссом на вокзал встречать делегацию австрийцев, возвращавшихся из Ростова. По радио объявили: «На такой-то путь прибыл поезд Минеральные Воды – Москва, номер такой-то».

Облизнувшись, Лемке обратился ко мне:

– Как здорово придумано, целый поезд минеральной воды подогнали. Сходите, пожалуйста, за бутылочкой!

И как я ни пыталась растолковать ему, что это название города, он только злился и подозревал меня в том, будто я просто отлыниваю от его поручения.

Утром в понедельник, отойдя от обиды, шеф пригласил меня в свой кабинет.

– Марина, – конфиденциальным тоном начал он, – я хотел бы устроить ужин для всех сотрудников, чтобы в неформальной, дружественной обстановке познакомиться со всеми поближе, поговорить по душам. Какое заведение вы бы мне порекомендовали?

Это было очень кстати. В Москве недавно открыли латиноамериканский ресторан, и многие сотрудники из других отделов то и дело устраивали там обеды для своих заказчиков. Об этом ресторане ходили легенды, а мы там пока не побывали. Теперь нам представилась возможность увидеть своими глазами это чудо. Заказать стол на десять человек было нелегко, но наш заказ приняли на пятницу, и теперь мы предвкушали вечер с латиноамериканской кухней и зажигательными мелодиями.

Ресторан «Эскумильо» действительно оказался чудом. Мы ели обжигающе острые блюда, пили удивительные напитки, веселились вовсю. Лемке был на высоте и ни разу не сказал ничего невпопад. Он молча слушал наш «фольклор» и смеялся над тем, над чем смеялись мы. Слава, сославшись на деловую встречу, ушел раньше всех. За ним мы проводили Лемке, а сами остались посмотреть программу.

В два часа ночи наша компания вышла из ресторана. В первом же такси, которое поймали для меня, почему-то сидел наш Слава. Мы весело домчались до моего дома. У подъезда под зонтом, встречая меня, стоял мой муж.

– Саша! – закричал Слава, вылезая из такси и бросаясь ему в объятия. – Это коррида!

С большим трудом нам удалось запихнуть его обратно.

Дома Саша осторожно поинтересовался:

– Коррида, – так называется ресторан?

– Так называется моя работа, – ответила я.

Бархатный сезон

Сухие листья жестко царапали асфальт, оранжевое осеннее солнце неподвижно висело над маленьким южным украинским городком, словно прощаясь с ним до весны. Вот уже битые две недели я и четыре немецких специалиста сидим в этом городе на шеф-монтаже и все, что восхищало на первых порах – блестящее, как фольга море, белые ухоженные домики и распевный говор местных жителей – стало тускнеть и покрываться налетом обыденности.

Никто не знал, долго ли нам придется оставаться в этом городке. Лемке, нервничая, каждый день звонил из Москвы, язвительно осведомляясь насчет нашего загара, но мы ничего не могли поделать – местная таможня незадолго до прибытия оборудования фирмы ввела новые правила, поэтому часть установки была смонтирована, а оставшиеся ящики покрывались пылью на складах.

Местное начальство писало срочные бумаги, бегало к администрации с требованием выдать ящики вне очереди, но пока безрезультатно. Я со своими подопечными каждый день сидела у директора завода, слушая очередные сводки.

Было жарко, в оконное стекло бились осенние мухи, директор непрестанно вытирал влажную лысину и к концу разговора предлагал одну и ту же программу – море и пляж.

Нас вывозили на пустынный белый пляж и оставляли там до ужина в компании с алчно дышащим морем и огромными арбузами. Ужин проходил при скудном освещении (в городе сэкономили электроэнергию) на террасе маленькой местной гостиницы, увитой виноградными плетями, с которых сизые влажные гроздья «Изабеллы» свешивались нам почти что на плечи.

Эта идиллическая картина неизменно умиляла немцев, и они, воздавая должное винам местного розлива, благодарили судьбу за эту необычную командировку. Утром точно, как часы, мы появлялись на заводе. Разбитые окна цехов, куча мусора на территории и тоненький ручеек рабочих не напоминали нам работающий гигант эпохи индустриализации. Смены были короткие – до обеда, и рабочие появлялись после обеда на местном базарчике, продавая всякую всячину.

Завод умирал тихо и без агонии – как умирают люди, дожившие до глубокой старости. Работа кипела лишь в трех цехах, в одном из них и проходил монтаж немецкой установки. Посещение цеха с недостроенной установкой также входило в нашу утреннюю программу. Сквозь запыленные фабричные окна пробивались узкие лучики солнца, духота сдавливала горло, стояла глухая тишина, и мне казалось, что мы никогда не уедем из этой сладкой южной осени в холодную Москву.

Постояв в молчании у скелета установки, наша маленькая делегация отправлялась выслушивать все те же жалобы дирекции, отодвигающие наш отъезд на неопределенный срок.

Сегодня все было по-иному. В приемной деловито стучала машинка, сновали люди, слышались оживленные голоса, кто-то на кого-то покрикивал, кто-то оправдывался, звонили телефоны и трещал молчавший до сих пор телекс.

– Победа! – радостно приветствовал нас директор, встречая на пороге своего кабинета. – Отпускают все двадцать три ящика!

– Господи, за что же такое счастье! – вырвалось у меня.

– Ваша фирма согласилась перевести пять тысяч марок за срочность таможенной обработки! – сияя, объяснил директор.

Техники молча переглянулись.

– Да, еще вам телекс идет, – кивнула на стучавший аппарат секретарша.

Фирма сообщала, что господа техники должны в течение недели с привлечением местных кадров завершить шеф-монтаж и произвести пробный пуск.

«Неужели скоро домой?» – радостно подумала я.

Сразу ставшие серьезными, одетые в фирменные рабочие халаты немцы уже вытаскивали из чуланчика запылившиеся чемоданы с инструментом.

Честно говоря, я скептически отнеслась к идее «привлечения местных кадров». Но на призыв дирекции завода помочь немецким специалистам откликнулось неожиданно много рабочих – больше, чем было необходимо. Каждый, прежде чем приступить к работе, писал заявление, где обязался не претендовать на скорую оплату. Мне это было непонятно – в нашей сегодняшней жизни никто не станет работать «за так».

Все объяснил один пожилой усатый рабочий:

– Соскучились мы по делу, дочка, руки зудят. Всю жизнь здесь трубили. А теперь что? На базаре торговать? Это молодые лучше могут. А мы старики и уж напоследок мозоли на руках разомнем!

Я не митинговала больше, глядя, как сосредоточенно работают «местные кадры». Неделя сумасшедшей гонки, бесконечных переводов, беготни, ночных смен так меня измотали, что в последние дни я засыпала, едва присаживалась на какой-нибудь ящик в цеху. На меня махнули рукой, объясняясь жестами, рисунками, мимикой.

Празднично сияя лаком и свежей краской, раскинув широко крылья, установка была готова к пробному пуску. Около пусковой панели, как у колыбели новорожденного, собрались все «крестные отцы» – администрация города и дирекция завода. Мы стояли за ними, за нами – рабочие. Цех больше не казался мертвым – все в нем находилось в движении, казалось, что стены раздались и стало больше света.

– Эх, – сокрушался за моей спиной чей-то голос, – жаль машинку!

– Это почему? – Я, удивившись, даже перестала переводить приветственную речь директора.

– Да потому, что недолго ей работать, сырья не найти. Ввозить надо, а дорого, – ответил знакомый седоусый рабочий.

– А раньше как было? – Я даже всплеснула руками.

– Раньше мы все вместе были, а теперь вроде как буханка осталась, да нарезана ломтями – СНГ называется, – с горечью откликнулся кто-то. – А жаль машинку, хороша!..

– А как же мы? – глупо спросила я.

– А что вы? Руку пожмем и ауф видерзеен! – прозвучал насмешливый ответ, и все сдержанно засмеялись. – Будете вспоминать наш город, вроде как на экскурсии побывали, в бархатный сезон, – сострил кто-то еще.

И на банкете, устроенном по случаю такого важного события, и в вагоне поезда, уносящего нас наконец в родную Москву, у меня не выходил из головы этот разговор. Я зябко куталась в куртку, глядя невидящими глазами в окно. «Неужели все зря, все в пустоту? Зачем тогда все это?» Мне показалось, что я упустила что-то очень важное в своей жизни. И захотелось вернуться когда-нибудь в этот город. В бархатный сезон.

Добро дошли!

– Поедешь ты! – огорошил меня Боря.

– Боренька, – взмолилась я, – меня же не было три дня!

– Как? – Боря был шокирован. – Весь отдел мучается, а тебе наплевать на коллектив! –

Боря строго посмотрел на меня: – Мариша, мы действительно в тупике, – стал он вводить меня в курс дела. – Кому-то надо поехать в Белград, договориться с одним югославом. Мы там снова открываем бюро.

– А при чем здесь я? – преувеличенно удивленным тоном отозвалась я.

– Ну, – замаялся Боря, – у тебя же были когда-то шуры-муры с югославом. Говорят, что ты специально сербский изучала.

– Было дело, – великодушно ответила я, – и что?

– Вот и выходит, что больше некому ехать! Смотайся, ты же не была в Югославии или как там – Сербии! Лемке звонил, он тоже считает, что кроме тебя лететь некому, – запричитал Боря. – У меня куча заказов для Сербии, а бюро у нас там нет. Столько сделок горит! – Он огорченно махнул рукой.

– Но в чем моя задача? – искренне изумилась я.

– Договорись с одним спецом в Белграде, чтобы он представлял наши интересы.

– Ну почему именно он? – не могла я взять в толк.

– Да он бывший министерский работник, знает все входы-выходы, а языки не знает. Вот ты с ним и побеседуй. Ты же имеешь понятие о югославском менталитете.

Весь разговор с Борей мне представлялся какой-то фантаσμαгорией. Я и Белград? Нет, ни за что! Но любопытство пересилило все страхи и воспоминания.

– Давай телефон твоего спеца.

Боря суетливо назвал мне номер, сказал, что спеца зовут Душан Васич, и, пожелав успеха, ретировался.

Я набрала номер. Сто лет не говорила по-сербски!

– Молим, – раздался на другом конце женский голос.

Я попросила к телефону Душана. Через секунду в трубке отозвался искомый «спец». Я, пока еще с трудом подбирая слова, представилась, рассказала о Бориных проектах и попросила о встрече. Воцарилось молчание. Потом раздался тихий смех.

– Добро, – ответил мне Душан.

Мы договорились о дне и рейсе. Душан обещал меня встретить.

Пока я в Шереметьево регистрировалась на рейс, моя душа восставала против такого вмешательства в ее тайники. Мое подсознание упорно хранило горькие воспоминания о «шурах-мурах» с одним югославом. Я вспоминала прошлое весь полет. «Хочете такси, лепо девойко», первое, что я услышала в аэропорту в Белграде. Я стала оглядываться в поисках Душана. Никто ко мне не подходил, я уже начала договариваться о цене из аэропорта до центральной гостиницы, как тут ко мне подбежал высокий, сухопарый мужчина с черными, с проседью волосами.

– Марина? – спросил он.

Я кивнула.

Душан легко подхватил мой чемодан:

– Машина стоит недалеко, вы не возражаете?

Синий «Опель» действительно стоял поблизости. Мы молча ехали по трассе, ведущей в город. Негромко играло радио. «Неужели я в Белграде?» Мне хотелось ущипнуть себя за руку. Когда-то я безумно, страстно мечтала попасть сюда. Но при других обстоятельствах, с другим человеком.

Проехали величественный мост.

– В какой гостинице вы мне посоветуете остановиться? – все еще с трудом подбирая слова, спросила я.

– Никаких гостиниц, – категорически отрезал Душан.

Я растерялась.

– Сейчас небезопасно в гостиницах, – пояснил Душан. – Будете жить у меня.

Я потеряла дар речи. Машина летела по Белграду на предельно допустимой скорости. Свисток, тормоза... К нам шел полицейский.

– Здравствуй, – буднично ответил на его приветствие Душан.

– Нарушаем? – Все полицейские мира одинаковы.

– У меня гостя из России, заговорились, извините. – Душан развел руками.

Полицейский заглянул в салон.

Я старательно покивала в подтверждение слов Душана и на всякий случай добавила по-русски:

– Здравствуйте.

Полицейский вздохнул, отошел, и мы поехали дальше.

Не успели мы въехать в просторный двор двухэтажного каменного дома на окраине Белграда, как невысокая проворная блондинка уже открывала дверь дома.

– Моя жена Весна, – объявил Душан.

Весна излучала радость и гостеприимство. Не дав мне распаковать чемоданы, меня потащили обедать. Югославская кухня – это песня. Ее не опишешь, ее надо пробовать. Весна расстаралась на славу – тут были и чорпа – густой суп, и острый салат, и чевапчичи – маленькие острые колбаски, и смоляно-черная «кафа». Весна непринужденно щебетала, словно мы были знакомы с ней сотни лет.

– А теперь – отдохните с дороги. Вам сегодня пришлось рано вставать, – скомандовал после обеда Душан.

– Но нам надо бы поговорить...

– О работе – потом, – был категоричный ответ.

Я подчинилась.

Мы долго разговаривали в тот вечер. Деловая беседа быстро стала доверительной, душевной. Душан заинтересовался нашим предложением, обещал подумать, найти переводчика, чтобы общаться с венским главным офисом.

– Я бы отказался, если приехал кто-нибудь из ваших боссов из Вены. Хотя и трудные у нас времена, но у меня работа есть. И неплохая. Но русским отказывать я не хочу. Чего только не случалось между нашими народами, но до сих пор у сербов есть поговорка: «Сколько нас было сейчас, если бы не русские. Не набралось бы и грузовика». Я очень серьезно подумаю, Марина, обещаю. А сейчас едем на ужин.

В доме постоянно звонил телефон. Первой новостью, сообщаемой всем звонившим, была новость о русской гостье.

– Мы сейчас заедем к нашим друзьям, а потом с ними отправимся в ресторан, – объявил программу Душан, открывая передо мной дверьцу автомобиля.

Через несколько минут мы остановились у двухэтажного особняка.

– Я туда не пойду, – сказала Весна, – их собака меня за ноги кусает.

– Ничего, мы запрем ее, – пообещал огромный, грузный хозяин дома, вышедший нас встречать.

Мы вошли. В просторной гостиной стоял дым коромыслом. За столом сидела хозяйка в вечернем туалете и пять-шесть женщин, попивающих кофе. В углу на всю мощь орал телевизор, и кучка детишек неотрывно следила за развитием событий боевика. Прямо у порога на полу расположились трое мужчин и хозяин дома, они говорили по телефону, передавая по очереди трубку друг другу. Над всем этим висел писклявый лай запертой в другой ком-

нате болонки. Очень быстро гомон приобрел организованный порядок, и хозяева дома, оставив гостей, присоединились к нам.

В маленьком сербском ресторанчике было пустынно. В углу настраивал струны небольшой музыкальный коллектив, официант суетился вокруг нас. Грянула музыка, потянулись посетители, нос защекотали удивительные запахи. По залу прошел слух о «русской гостье Душана», и музыканты, встав за нашими спинами, старались вовсю. Было шумно, весело и уютно. Я чувствовала спокойствие и защищенность.

Возвращались мы поздно вечером. Душан осторожно вел свой «Опель» по окраине Белграда. У маленькой церквушки он затормозил. Мы вошли в железные ворота, Душан постучал в дверь.

– Может, не надо? – робко спросила я.

– Надо, – отрезал Душан.

Дверь отворилась, мы вошли. В церкви было полутемно. На стенах фрески, иконы. На деревянном столе древние рукописные книги XVII, XVIII веков. Они лежали в рабочем беспорядке – видно было, что их использовали каждый день. Весна раскрыла наугад. Я вгляделась в буквы. Да это же старославянский! Душан и Весна молчали, но как красноречиво было это молчание...

Утренний рейс на Москву был уже объявлен, а мы все стояли и не могли наговориться. Как же мне не хотелось улетать, покидать этот гостеприимный дом, Душана, Весну... Когда я, распрощавшись, подошла наконец к таможеннику, Душан крикнул мне:

– Захочешь выпить кофе в баре, передай бармену Вуйе привет от Душана и скажи, что ты моя гостья!

Я взмахнула на прощание рукой, и глухая перегородка скрыла от меня гостеприимную пару.

В баре хлопотал круглый маленький колобок.

– Вуйо, – несмело обратилась я к нему.

Он поднял на меня глаза.

– Привет от Душана, я его гостья, – заученно повторила я.

Вуйя покотился к автомату эспрессо и, радостно улыбаясь, приготовил мне черную, крепкую, горькую «кафу».

– Никаких денег. – Он решительно отклонил мою руку с купюрами. – Вы ведь гостья!

Гостеприимство Душана грело меня до отлета. Я с удивлением заметила, что мое подсолнечие больше не бунтует. Наваждение прошлого не волнует меня. Все забыто. Теперь есть новый Белград. И новый смысл в этом слове.

На следующий день Боря едва сдерживал нетерпение:

– Привет! Что, как он тебе? Он согласен?

Я задумчиво оглядела свою, знакомую до последней черточки, комнату.

– Надо говорить «Добро дошли», что по-сербски означает «Добро пожаловать», – поддразнила я Борю.

– Ну не тяни. – Терпение у Бори готово было лопнуть.

– Он обещал подумать, – обнадежила я коллегу.

– Может, надо мне к нему самому съездить, потолковать. Только вместе с тобой, я по-сербски ни бельмеса. Поедешь еще?

– С удовольствием, – от всего сердца ответила я.

Боря выпучил глаза:

– Опять шуры-муры? – подозрительно спросил он.

Зимняя вишня

Что ни говори, а комфорт – великая вещь. Поднимаясь на эскалаторе в «Шереметьево-1» в депутатский зал, провожаемая взглядами прочих пассажиров, я ощущала свою весомость и значимость, несмотря на шесть часов утра. Чартерный рейс – это уют, спокойствие, отсутствие часовых ожиданий в аэропорту и полупустой салон самолета «ЯК-40», где предупредительный экипаж готов исполнить любую просьбу.

Я не впервые летела чартером, и не впервые с интернациональной командой – были не только австрийцы, немцы, но и французы, и американцы. Из сложной ситуации с переводом мы выходили просто – я выбирала себе «жертву» – какого-нибудь австрийца и честно выкладывала ему краткое содержание того, о чем шла речь на переговорах. Он хлопал глазами, пытаясь переварить эту информацию. Но прочие «народы мира» взирали на него с надеждой, и, вздохнув, он начинал переводить на английский язык, понятный и близкий всем европейцам. Тактика достаточно простая. Этот раз тоже не будет исключением.

Четыре часа полета обещали быть приятными. Американцы и французы моментально вступили в спор, чьи самолеты лучше. Поодаль расселись немцы и австрийцы, и не успел самолет оторвать шасси от земли, как их головы поникли в сладкой дремоте. Ясно – предыдущий вечер в отеле был проведен бурно. Лично я тоже рассчитывала на короткий отдых. Ночь у меня прошла без сна – по приказу городских властей под нашими окнами всю ночь асфальтировали улицу – стучали отбойные молотки, суперсовременная машина с жутким грохотом пожирала старый асфальт...

Но расслабиться не удавалось – стюардесса то и дело предлагала то поднос с роскошным завтраком, то фрукты, то напитки, то видеофильм. Четыре часа пролетели незаметно. Самолет пошел на посадку. На полосе нас уже ожидал микроавтобус принимающего уральского завода.

– Вы, конечно, устали с дороги и проголодались, – пробасил начальник отдела по внешнеэкономическим связям – ОВЭС. – Сейчас мы угостим вас обедом по-уральски.

– Как обед, почему обед? – заволновались на разных языках мои подопечные. – Мы уже ели в самолете!

Но нас никто не слушал, микроавтобус мчался в город, в салоне мощно гремел голос Анжелики Варум, воспевающей зимнюю вишню.

В специальном кабинете для иностранных гостей на столе уже выстроились прозрачные бутылки «Столичной», «Боржоми» и другие неведомые мне емкости. Сервировка ослепляла. Гости ошарашенно взирали на высокие хрустальные фужеры.

– Это из них мы будем пить водку?! – раздалась полувосхищенные-полуиспуганные возгласы.

Официантки вносили подносы с дымящимся борщом.

Истинное проклятье для переводчика – переговоры за столом. Пока все успевают прожевать, проглотить, что-то сказать, переводчик так и сидит с одиноким кусочком на вилке и без конца говорит. В этот раз страдали мы вдвоем – я и герр Шёнхерр – моя очередная жертва. Мы переводили уральские легенды, описание местного края, его обычаев и историю завода.

Когда повеселевшие румяные гости и хозяева сплоченным коллективом входили в кабинет заместителя генерального директора завода господина Мызина, каблук моего сапога застрял в щели у порога. И получилось, что процедура представления и знакомства прошла без меня. В кабинет я вошла последней. Темные глаза господина Мызина довольно откровенно обежали мою фигуру, а бархатный голос потребовал занять место рядом с ним. «Этого мне не хватало», – подумала я, усиленно морща лоб и придавая себе вид «очень деловой леди».

Начались переговоры. Завод продавал свою продукцию нашей транснациональной компании, а мы через своих посредников реализовывали эту продукцию в другие страны мира.

Сидящие за столом жаждали новых контрактов. Технические вопросы решались быстро – в дверь то и дело входили специалисты по производству, транспорту, упаковке. Да, Мызин сумел вышколить свой персонал. Ближе к вечеру, когда контуры предстоящего сотрудничества и контракта уже вырисовались, Мызин пригласил нас на ужин. Господин Шёнхерр закатил глаза.

– Я больше не могу переводить, – пожаловался он.

Дорога, по которой нас везли, превратилась из асфальтовой в проселочную, а потом и вовсе нырнула в лес. Нервно обсуждая стратегию на завтра, мои подопечные даже не заметили, что густые ели царапают лапами окна машины. Мы ехали по тайге. Вскоре показался уютный домик – загородная резиденция для отдыха и приема гостей. Из трубы стоящей рядом баньки шел дымок.

Было выпито немало. Гостей неоднократно водили в баню. Молодой специалист завода, взявший на себя функции переводчика, дал мне возможность немного отдохнуть, с учетом недополученных накануне часов сна. После «раши экзотик банья» все захмелели, говорили вразнобой и не обращали внимания ни на время, ни на условности. Пролит на скатерть компот, француз не придал этому никакого значения и, поставив локти прямо в лужу, продолжил душевную беседу. Немцы уютно похрапывали в кресле.

От духоты, гомона и позднего времени у меня голова шла кругом. Как назло, магнитофон крутил одну и ту же песню, и бесконечный припев о зимней вишне назойливо звучал весь вечер.

– А нельзя ли уже в гостиницу? – осторожно поинтересовалась я у Мызина, единственного человека, сохранившего трезвомыслие в этой компании.

Словно не слыша, он приказал откупорить еще бутылку вина и с бокалом подсел ко мне. «Начинается», – с досадой подумала я. Бархатные интонации голоса Мызина усилились, он уже поглаживал рукой мою ладонь, рассказывая о своей нелегкой судьбе. А я представляла себе мужа, тоскливо ожидавшего меня дома. Ситуация не из приятных. Но подобное встречалось в моей практике неоднократно, и я уже знала, как мягко, не обижая, отклонить ухаживания разомлевших поклонников. Я ни в коем случае не должна забывать, что передо мной сидит в первую очередь КЛИЕНТ.

В этот раз, высвободив свою руку, я встала и громким голосом скомандовала:

– Стенд ап! Ауфштеен!

Проснувшиеся немцы сонно таращили глаза. Американцы и французы помогали подниматься друг другу. Поддерживаемые хозяевами, гости транспортировались в микроавтобус. Всю дорогу герр Шёнхерр мычал мотив шлягера Анжелики Варум...

Местное время – четыре утра. О московском времени лучше забыть. Глаза жжет, словно в них насыпан песок. А подъем – в семь...

На следующее утро я окончательно проснулась, вдосталь набегавшись по этажам, барабана в двери заспавшихся подопечных, призывая их собираться поскорее. Хмурые господа, появившиеся только через сорок минут, жаждали одного – минеральной воды. Я мечтала о кофе.

В кабинете директора нас ждало и то, и другое, а также мой вчерашний поклонник Мызин. Вопрос генеральный директор завода решил очень быстро, цenia свое и чужое время. Контракт был готов к подписанию. Ошалевшие от такой оперативности, быстро ставя свои подписи на контракте, господа запивали свою победу. Однако – только минералкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.